

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-экономических дисциплин, Карельская государственная педагогическая академия (Петрозаводск, Российская Федерация)
 YuLinnik@yandex.ru

Рец. на кн.: Кондратьев И. В. В поисках невымышенного Сампо. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 132 с.

В книге И. В. Кондратьева «В поисках невымышенного Сампо» исследователь утверждает, что нашел исторический прототип Сампо – причем крайне нетривиальный, неожиданный. Только ли архетип Мирового древа стоит за удивительной мельницей? Или категоричней: не навязан ли он – как некий готовый стереотип – крайне сложному, многозначному образу? Думается, что мельница Сампо прежде всего связана с архетипом чудесной избыточности, когда эффект получается если не даром, то за счет какой-то невероятной изобретательности, производящей впечатление сказки, фантастики. У этого архетипа могут быть самые разные воплощения. Инвариант здесь один: Сампо работает против энтропии – производит антиэнтропию.

Представим себе, что древнее племя окружило небольшое мелкое озеро круговой плотиной, дабы поднять уровень его вод. Рыбы резко прибавилось, с ирригацией не стало проблем. Искусственно созданный перепад мог быть задействован для весьма нетривиальных целей. Почему бы не представить, что под лотком водосброса располагалось нечто подобное мереже? Регуляция осуществлена – и улов получен: замечательное удвоение функций. Увлеквшись гипотезой И. В. Кондратьева, я позволил себе развить ее вот в каком направлении: а не была ли уникальная плотина соединена с мельницей? Естественно, что колесо крутилось бы лишь при спуске вод, но за короткое время оно успевало бы хорошо поработать, при сильных дождях тем более. Наше дополнение перспективно в том плане, что оно еще теснее соединяет Самро с Сампо, толкуемом прежде всего как мельницей. Посмотрим на озеро, окруженное кольцом свай, с высоты птичьего полета. Инженерное чудо на заре цивилизации! А потом враги разрушили плотину. Племя откочевало на север. Удаление во времени и пространстве от чего-то родного, ключевого всегда содействует его мифологизации.

Историческая память часто работает как поэт – метафорически переосмысливает, переиначивает реальность. Но суть остается сохранной. Нечто подобное случилось и с озером. Пройдя через ряд метаморфоз, оно предстало как Сампо – превратилось в расцвеченный миф. Поначалу сознание противится дерзкой гипотезе: не мо-

жет быть такого! Сейчас мы изложили (с некоторыми дополнениями и экстраполяциями) идею И. В. Кондратьева. Не будем спешить с априорным протестом. Вдумаемся в аргументацию автора. Она убедительна. Прошлое порой не оставляет никакого следа, кроме топонимов. Загадочно звучащие, они манят в свою глубину – опытный взгляд способен различить на самом дне сокровенные смыслы. Название одной из глав книги И. В. Кондратьева – «Чудские и лопские топонимы как следы этнических границ древности» (с. 17). Речь идет о юго-западе нынешней Ленинградской и западе Псковской области. Чудское озеро – деревня Чудиново – река Чудка. И рядом – урочище Лопова Тиши – деревня Лопанец – село Лопотово. Мы помним о главной коллизии «Калевалы» – калевальцы противостоят лапландцам. Первые генетически связаны с чудью. Вторые восходят к протосаамам. Борьба идет за Сампо. Средоточьем местности, о которой идет речь, является озеро Самро. Сходство с названием волшебной мельницы является случайным? Автор исследует этот вопрос, исходя из двух вполне оправданных предположений:

1) своеобразие топонимики – ее смешанный характер – может указывать на то, что именно тут завязался этнический конфликт, впоследствии ставший сюжетной основой «Калевалы»;

2) Самро как-то связано с Сампо.

Но как? Автор называет озеро *отпечатком* мельницы – имеются в виду его круглые очертания (с. 22). Не слишком ли общий и расплывчатый изоморфизм? Надо бы как-то его уточнить. И почему в словах, фактически отождествляемых автором, «ру» заменилось на «лу»?

Протосаамская топонимика имеет огромное значение для познания истории Севера в ее наиболее архаичных пластиках. Порой она и только она дает путь очень тонкую, но надежную путеводную нить, способную вывести к истине. Автор научился двигаться вдоль нее. Профессионально освоив финно-угорскую филологию, он делает подчас рискованные, но, несомненно, эвристичные сближения смыслов. Вот алгоритм, позволяющий от Самро перейти к Сампо:

1) *Саммера – саамское море*; заметим, что понятие моря древние относили к крупным водам – иногда даже к заливам.

2) *Покх* по-саамски – дно; *Сампокх* – дно моря.

3) Редукция окончания приводит нас к *Сампо*.

И. В. Кондратьев использует оригинальный метод: топонимы конкретной местности он накладывает на имена мифических героев – выявляемые унисоны не могут не интриговать. Недалече от озера *Самро* находится река *Ильменка*. *Сампо* выковал *Ильмаринен*. Если учесть, что *риннта* переводится с саамского как берег, то в имени героя мы услышим: *берег Ильмы*. В окрестностях *Самро* находится поселение *Вейно. Мейн* по-саамски – яйцо: понятие, имеющее вес архетипа, – вспомним космогенез «Калевалы». Сочетая *Вейно* и *мейн*, получаем еще одно имя: *Вяйнямейнен*.

В замечательной книге И. В. Кондратьева много поэзии. Игра ассоциаций у него – и вытекающие из нее этимологии – кому-то покажется фантасмагоричной. Это вне науки? Но как раз такой тип мышления зачастую необходим для прорыва к новому: скрытые связи при вспышке озарения обнаруживают себя – и это подчас дает шоковый эффект. Вот большая загадка: почему именно гидронимы наиболее архаичны? И наиболее устойчивы в потоке народов, культур, языков? Гидронимика, связанная с озером *Самро*, – и содержание калевальских рун: соответствия между ними, выявленные И. В. Кондратьевым, скептик вправе считать случайными. Но непредвзятый читатель не будет уходить от остро и ярко поставленной проблемы. Выявленные корреляции должны заинтересовать его и спровоцировать на аналитические размышления. Когда-то возле *Самро* обитала вода. В звучании данного этонима легко угадывается самоизвание народа – *ваддя*; этимология тут возводит к весьма необычным значениям: *свая, столб, клин*. В 1983 году в п. Калевала от Т. Д. Ватанен (1907 г. р.) была записана детская песня «Жил-был Онни-Манни». Приведем фрагмент из нее в переводе И. В. Кондратьева:

В церкви – молодые мужчины,
Еще вина не пившие,
Еще женщин не знавшие,
Скручивают канаты,
Железные канаты вьют,
Чтобы края моря связать,
Залив Пяятку приукрасить,
Чтобы море усмирилось **сваями**,
Чтобы залив Пяятка красивым был (с. 57–58; выделено нами. – Ю. Л.).

О сваях, забитых вокруг водоема, пел и Архипп Перттунен – руна с этой загадочной деталью записал от него в 1834 году Э. Лённрот. Там мы находим весьма странное сравнение: «Озе-

ро – как лодки плетение». Вот какое истолкование предлагает нам И. В. Кондратьев: «Сравнение состояния озера с плетением лодки, по-видимому, предполагает сшивание бортов озера подобно сшиванию бортов лодки при ее строительстве» (с. 59). Борт озера! Само словосочетание – явный парадокс. Но попробуем сказанное в рунах и песнях принять если не буквально, то с минимумом условности как отражение реальности. Тогда становятся понятными и медные цепи, и железные тросы, о которых фольклор говорит применительно к деятельности, связанной с укреплением берегов. Вот где будет востребован талант кователя *Ильмаринена*. Автор дает полную волю воображению, и оно приносит весьма конструктивные результаты. Приведем точные гидроинженерные расчеты И. В. Кондратьева. Для того чтобы поднять уровень *Самро* на 4,5 м, нужно забить по периметру 2250 м – 7500 свай с диаметром бревен в 30 см. Рыбная продуктивность возрастет при этом до 515 раз (с. 56).

После гибели *Сампо*, а это, по И. В. Кондратьеву, не что иное, как уничтожение свайного ограждения, мы слышим от *Вяйнямейнена* утешение, требующее комментария:

Но у нас – посев и пашня,
Нам – и всяческое жито (с. 113).

Вот объяснение этого эпизода: «...после ухода воды мелководье северно-западной части озера должно было стать пашнями и местами для покосов» (с. 113). По сути речь идет о серьезной экологической катастрофе. Что же предшествовало случившемуся? Еще раз бросим взгляд на *Самро*, мысленно перенесшись в III век н. э., – к этому времени И. В. Кондратьев относит создание *Сампо*. Впечатляющая картина открывается. Грандиозное сооружение несет в себе воистину ноосферные смыслы. Топография *Самро* – и конкретика «Калевалы»: сколько тут совпадений! Два разных плана являются свое взаимно-однозначное соответствие. Теория вероятностей работает в пользу И. В. Кондратьева.

Таким образом, читателю предложена для чтения и изучения уникальная книга. Гипотеза автора самоцenna как пример продуктивного системного мышления, усиленного поэтической интуицией. Мое глубокое убеждение: научное сообщество должно терпимо относиться к подобного рода гипотезам. На первых стадиях их апробации важен критерий обоснованности и доказательности в развитии нестандартных взглядов, а также мера эрудированности автора – по этим статьям И. В. Кондратьев выдерживает испытание. Новые связи, интересные ассоциации – это самоценно, и это присутствует в рецензируемой книге. Она инициирует творческий поиск.